

Сердце Эрика заколотилось от отчаяния. Его острое чувство пространства и внутренняя карта не только этой разрушенной адской дыры города наверху, но и канализации внизу, мучили его отчаянной надеждой безумца, когда он осмелился прыгнуть в огненную яму, преследуя свою сестру навстречу проклятию, в то время как орки наверху ревели от ярости, боли и восторга при виде еще одной человеческой трагедии, разыгрывающейся для их удовольствия.

И все же, сколько бы сумасшедших видеороликов он ни видел о людях, спокойно идущих по постели из раскаленных добела углей, все, что он чувствовал, была боль.

Боль окутала его когда он кричал о своей сестре, ее волосы уже пылали, отчаянно пытаясь не дышать перегретым воздухом, когда он, пошатываясь, пересекал слой углей с силой, о которой он даже не подозревал, что у него была, намного превышающая то, что должны были дать ему даже улучшающие наркотики и постоянные тренировки до изнеможения. Будь я проклят, если бы его мать не сделала героя боевика из своего бездарного халтурщика-сына, несмотря на все риски для здоровья, с которыми он столкнулся бы позже в жизни.

По крайней мере, теперь у него были силы, чтобы совершить этот акт абсолютного безумия.

Пусть даже всего на несколько секунд.

В этот ужасный и казалось будто бесконечный момент его плоть кричала, облизываемая пламенем, мир превратился в кошмарную дымку, когда он бросился сквозь угли, забрал свою ошеломленную сестру в переноске пожарного и зачерпнул несколько раскаленных углей в ладони своей перчатки. Затем он помчался к мастеру ямы орков, который недоверчиво смотрел на него на краю ямы.

Эрик был мертвецом, бегущим, охваченным пламенем, настолько наполненным ненавистью, что она заглушала крики. Он впился взглядом в ухмыляющегося укротителя зверей, готового проткнуть его щипцами в руке, пока отчаянно мчался вверх по яме ... прежде чем существо завизжало, как свинья, которой он и был, горсть раскаленных углей попала орку прямо в его маленькие глазки-бусинки.

Ладонь Эрика, возможно, была обожжена до массы обугленной плоти, его арбалетная перчатка полностью прогорела насквозь, но это была чертовски маленькая цена. Потому что теперь он мог использовать весь вес своей сестры, чтобы удержать кричащего укротителя на плече, отшвырнув его назад, когда Эрик помчался вверх по яме. Его целью было не загнать визжащего ублюдка в его собственную смертельную ловушку, а просто вывести его из равновесия на драгоценные мгновения, необходимые для того, чтобы вырваться на свободу.

Звук агонизирующих криков орка, когда он, по сути, упал прямо в свое собственное ложе из раскаленных углей, стал еще слаще, когда почти слепой Эрик, все еще игнорируя мучения своей обжигающей плоти, наконец, сделал сладкие глотки прохладного воздуха, когда он выпрыгнул из ямы. Он пронесся мимо ближайшего орка, который смотрел на него с ошеломленным недоверием, когда одинокое копье, брошенное в его сторону с дальней стороны огненной ямы, вонзилось в землю там, где он только что прошел.

То, что он делал, было невозможно, и ему было все равно.

Он был бегущим мертвецом, кожа которого превратилась в пепел, и только с одной надеждой на спасение.

Пробегая по узким переулкам, которые он так тщательно пересекал менее часа назад, Эрик изо всех сил помчался через последнюю улицу, отделяющую его и его сестру от спасения, в

отчаянной надежде, что там не было отряда по поиску орков, падальщиков или гигантских крыс, поджидающих их в засаде.

Тем не менее, улица была совершенно тихой, и последний переулок был точно таким, каким он его оставил.

Эрик был слишком измучен, чтобы даже всхлипнуть от облегчения, когда он, наконец, нырнул через заклинивший мусорный контейнер с фальшивым дном, скрывающий так много спасительных секретов.

Близнецы резко упали, плюхнувшись в поток солоноватой воды, текущей в дальнем углу сухих и намеренно наклонных ливневых туннелей. Вопреки распространенному мнению и его собственным ссылкам на канализацию, эта вообще не была заполнена грязными сточными водами.

Только шипящие звуки резко охлаждаемого обугленного мяса, эхом отдающиеся крикам молодого человека, больше не скрывающего своей агонии. Крики, перешедшие в рыдания, когда Эрик использовал свой единственный оставшийся здоровым глаз, который не был запечен, чтобы посмотреть на умирающее тело своей сестры.

Ее лицо было покрыто волдырями, а волосы были подпалены. Каким-то чудом она не была обугленным куском плоти, которым, как знал Эрик, был он сам.

Но она не дышала.

Она не дышала!

Эрик захныкал, быстро нащупывая ее сердцебиение, не обращая внимания на собственную растущую слабость и головокружение, таща сестру слабеющими руками по мере приближения к тайне, которую так хорошо скрывали эти туннели.

Тайна, которая напугала его и его сестру, когда они осознали риск, опасность, почти поддавшись зову сирены, который, казалось, эхом отдавался в их душах прошлой ночью. Настоящая причина, по которой Эрик так отчаянно охотился наверху с копьем, в первую очередь. Не просто для того, чтобы получить какую-то перспективу, но и для того, чтобы увеличить его шансы на самом деле пережить искушение, если он осмелится поддаться ему. Потому что, несмотря на то, что он повторял 90% вероятности смертности, как мантру, именно Эрика, а не Элонию, пришлось оттащить от дерзких корней стручка.

Эрик замер, его единственный все еще неповрежденный глаз расширился от внезапного озарения. Девушка, умирающая у него на руках, так многим рисковала, но не ради себя, а чтобы шокировать Эрика и привести его в чувство. Ее настойчивое желание играть роль наблюдателя, зная, что она наверху, заставило Эрика проявить более осторожный подход, и, возможно, это помогло ему лучше продумать и разработать стратегию своей охоты. Так что, когда гигантские крысы чуть не напали на него из засады, он был готов, и его охота увенчалась успехом. И он прикроет Элонию, когда она будет готова сделать то же самое.

Это должно было стать триумфальным завершением их маленькой экспедиции наверх.

До того, как какие-то скользкие ублюдки-мудаки чуть не стоили им обоим жизни.

Теперь его близняшка была при смерти, потому что он так отчаянно нуждался в своей охоте, а его сестра отказалась позволить ему рисковать собой без какой-либо поддержки вообще.

Он опустил голову от стыда, сдерживая хриплый всхлип отчаяния.

И все же мягкий свет, который так манил его, когда он впервые позвал их обоих, всего несколько ночей назад, теперь был их единственной надеждой на спасение. Потому что ключом к повышению уровня и выживанию при любых травмах была светящаяся растительная масса корней, стеблей и инопланетных существ перед ним. Интервью Черного Кота и Четырех Собак прояснили это чертовски ясно. За очень немногими исключениями, все, кто входил в капсулу, выходили без болезней и травм, независимо от того, насколько они были испорчены перед входом. И даже если лишь немногие избранные, такие как продвинутые ученики, на самом деле выглядели так, будто им только что снова исполнилось 18, каждый, кто отважился на капсулы, все равно мог получить сверхчеловеческую жизненную силу и, возможно, долголетие. Некоторые даже заходили так далеко, что утверждали, что их биологические часы, по крайней мере, остановятся, если не обратятся вспять, если им удастся повысить уровень и повысить нужные характеристики.

И ирония для Эрика и его сестры заключалась в том, что больше не имело значения, что большинство тех, кто осмелился подняться в капсулу выше, стали ходячими ужасами и пиршеством для орочьих кострищ. Даже не имело значения, насколько отвратительными были виды наверху.

И может быть, только может быть, была доля правды в отчаянной догадке Эрика о том, что корни держат ключ, его свет гораздо более успокаивающий и разумный, чем хищное безумие наверху. В конце концов, все знали, что питательные вещества поступают через корневую систему. Только плотоядные растения получали питательные вещества через листья и стебли, и, возможно, нежные корни перед ним были секретом мягкого восхождения, а не принудительной эволюции в какие-то зомби-гибриды растений, которые корчились и поджаривались в угольных ямах наверху.

Конечно, это, вероятно, было просто отчаянием, но это не имело значения.

Он и его сестра были мертвы, что бы они ни делали, если только они действительно не смогли пережить этот зомби-ужас перед ними

Эрик сделал все возможное, чтобы успокоить свое бешено колотящееся сердце, утешая себя тем, что, по крайней мере, тихое шуршание, исходящее от бледных, мясистых белых корней массивного стручка, действительно, казалось, успокаивало ужас в его венах. Он освещал его умирающую сестру, чье сердцебиение становилось все более неровным, холодным зеленым светом.

И Эрику становилось все труднее вдыхать живительный кислород.

Всего минуту назад его сестра была как перышко в его руках. Теперь она чувствовала себя тонной свинцовых гирь, которые он отказывался сбрасывать, независимо от того, как сильно билось его сердце, и его мышцы кричали.

Как бы сильно его умирающее тело ни взывало к нежной, шелестящей музыке мясистого стручка перед ним, он не осмеливался прикоснуться к нему.

Не раньше, чем его сестра окажется в безопасности.

И никогда он не сожалел о том, что покинул туннели, больше, чем в этот момент. Они оба, вероятно, умрут здесь, и у них не было оправдания, покинув прекрасное убежище, за которое любой из беженцев наверху, без сомнения, убил бы.

Это было не убежище... но имея доступ к чистой воде, кроватям, мебели, одежде и, по крайней мере, годовому запасу еды, Эрик не жаловался. Здесь даже был постоянный приток свежего воздуха, совершенно без запаха обугленного дерева, горячей плоти или влажного камня. И у него была энергия. Энергия! И нигде больше в городе не было электричества, за исключением случайного странно мерцающего света в туннеле!

Эрик задрожал, даже не понимая, почему он никогда глубоко не задумывался обо всех этих аномалиях до этого самого момента. Не то чтобы это имело значение. Это место было ближе всего к убежищам для выживания в его любимых играх, и он был благодарен за каждый день, когда они могли спокойно жить там, имея то, что казалось библиотекой романов в твердом переплете, книг по истории и энциклопедий, чтобы отвлечься или просто потренироваться в крошечном тренажерном зале.

У них даже были настольные игры!

Они были сыты и в безопасности, единственным наказом их матери было обещание никогда не подниматься наверх без нее.

И все же они сделали именно это.

Акт безумия, который чуть не убил его и его сестру.

И их раны все равно убьют их, если он перестанет валять дурака и начнет ДЕЙСТВОВАТЬ! Пока не стало слишком поздно.

"Мне жаль, Элония". Голос Эрика был чуть громче хриплого шепота, а сердце болезненно колотилось в груди. Возможно, он все-таки вдохнул раз или два перегретого воздуха, несмотря на все его усилия. Это была борьба, чтобы не быть подавленным его растущим головокружением и огненной пульсацией в каждом дюйме его тела. Ужас и ярость истощали его досуха, давая понять, что ему тоже недолго осталось жить в этом мире.

"Я не могу придумать, что еще я могу сделать", - выдохнул он. "Эта капсула - наша единственная ебаная надежда!"

Его голос прерывался рваным кашлем, выплевывая грязь, на которую он отказывался смотреть, на которую было страшно смотреть. Его сердце забилося так, как будто за последние несколько секунд он бежал быстрее, чем за все время, пока он спотыкался в этой адской яме.

Ужасная волна головокружения и дрожь охватили его. Он был готов метаться как сумасшедший, ощущая черный край судорог и смерти сразу за ними.

Поэтому он прикусил свою обугленную губу, пока она не лопнула от его зубов, сдерживая крики, когда внезапная ясность и последняя порция адреналина дали ему силы прижать сестру к корневой системе массивного стручка.

Он притворился, что его не тошнит от того, как вязкие усики растительной материи ласкали его умирающую сестру, прежде чем проглотить ее, словно рожая наоборот.

Он вздрагивал, и это оказалось слишком сильным для покалывающей тошноты, захлестнувшей его. Эрика внезапно вырвало, и он начал извергать желчь, куски мяса и кровь, всхлипывая, когда его горло горело от кислоты почти так же сильно, как каждый дюйм его плоти. Его почерневшая кожа треснула, обнажив сырую розовую плоть, на которую он боялся даже смотреть, рыдая и дрожа в мучительной судороге, хватая ртом воздух, который просто не мог

прийти.

Он кашлял постоянным потоком жидкости, хватая ртом воздух, отчаянно пытаясь просто дышать, дрожа на сыром каменном полу перед массивной капсулой.

Он молился, чтобы это был хороший знак, что его сестра не была немедленно отвергнута. Вздых облегчения сорвался с потрескавшихся губ, когда он почувствовал вкус забвения, зная, что всего в нескольких секундах от того, чтобы окончательно потерять сознание. Он был бы свободен от отвратительной боли, которая усиливалась с каждым мгновением, уже хуже, чем он чувствовал в те короткие, ужасные моменты, когда он осмелился пробежать через эту адскую огненную яму.

Если повезет, его сестра выживет и выйдет из капсулы здоровой и невредимой, обладая дарами, о которых Эрик даже думать боялся, способной повышать свой уровень чудесными и грандиозными способами, как во всех романах о прогрессии, которые он любил читать тихими вечерами.

Может быть, она действительно станет героем истории своей собственной жизни.

Он улыбнулся при мысли о том, что она станет справедливой и благородной королевой, точно такой, какой ее изображали на киноэкране. И действительно, он был благодарен за освобождение от забвения, когда оно заключило его в свои успокаивающие объятия, наконец-то позволив избавиться от пульсирующей агонии, в которую превратилось все его тело. Наконец, погрузившись во тьму, он тепло улыбнулся приключениям, которые пережили он и его сестра. Это было началом того, что стало бы поистине великолепной сагой, длящейся всю жизнь.

<http://tl.rulate.ru/book/83435/2680965>